

негры представляют особую касту и что отношения между белыми и неграми являются отношениями эксплуатации³⁴. За этим, на первый взгляд довольно радикальным, тезисом кроется в действительности весьма реакционная точка зрения. По мнению Кокса и многих других, в США нет классов, ибо культура там одна и та же. «Первичные» институты одни и те же и, следовательно, «структура личности» всех американцев (исключая, разумеется, «ненормальных») в основном одна и та же. В США имеются якобы лишь «пережитки» классовых отношений, и одним из них является различие между белыми и неграми. Но виновато в этом отнюдь не капиталистическое общество США, а сами негры: много тысяч лет они жили в Африке под формирующим влиянием другой культуры и в результате приобрели ряд не только психологических, но даже физических признаков (например, черный цвет кожи), отличающих их как особую «касту». Термин «раса», однако, применять к ним не следует. Поэтому и Гэмфри, вслед за Коксом, предлагает понятие «каста». «Каста, как социо-культурное явление,— пишет он,— может быть объектом социо-культурной трансформации»³⁵. Гэмфри утверждает, что влияние американской культуры на негров приведет со временем к «социо-культурной трансформации», но пока она не произойдет (а это дело весьма длительное.—Н. Б.), «пережитки» классовых отношений будут сохранены. С неграми американские этнографы не церемонятся, и на примере «негрской проблемы» ложь их новой «концепции» вскрывается легче всего.

Эта «теория» нашла свое применение и в университетском преподавании. В одном из американских университетов в 1945—1946 учебном году курс «Личность и культура» читали одновременно трое: этнограф (Джон Гиллин) и два психиатра (супруги Ляймен). Практику по этому курсу студенты проходили в доме для умалишенных, изучая различные типы психических расстройств и сводя их к тем или иным «первичным институтам»³⁶.

В 1947 г. Американская антропологическая ассоциация обратилась в Организацию Объединенных Наций с посланием, в котором предлагалось учесть «некоторые из выводов ряда наук, занимающихся изучением культуры» при разработке «Декларации прав человека». Под «некоторыми из выводов» имелась в виду психолого-расистская «концепция». Это послание было напечатано в центральном этнографическом журнале³⁷. Психолого-расистская «концепция» начинает проникать во все науки, во все области жизни в США и стремится стать государственной догмой.

Приведенные нами факты свидетельствуют о том, что «теоретической» этнографии в США придается большое идеологическое и политическое значение. Крупными тиражами выходят работы этнографов, вводится преподавание этнографии в большинстве североамериканских университетов. Но этот дешевый успех американской этнографии лишь подчеркивает ее реакционный, антинаучный характер. Горькие и справедливые слова вырвались по этому поводу у Элси Парсонс. Американские этнографы, писала она, «могут с тоской оглядываться на добрые старые времена, когда они были бедны, но горды, независимы, потому что незаметны, свободны, потому что никто не заботился о том, что они делали»³⁸.

Современные американские «теоретизирующие» этнографы основательно забыли о том, что такое свобода и независимость науки. Они находятся в полном распоряжении империалистических хозяев США и послушно «обосновывают» их реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Н. Бутинов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Проф. В. И. Равдоникас, *История первобытного общества*. Изд. Ленинградского государственного университета. Часть I, Л., 1939. Часть II, Л., 1947.

Написать учебник по истории первобытного общества — задача чрезвычайно трудная. Трудность заключается прежде всего в изобилии фактического материала — археологического и особенно этнографического, разросшегося за последнее время до колоссальных размеров. Этот материал представляет собой на первый взгляд хаотическую грудку фактов, не поддающуюся систематизации. Да если бы еще все эти

³⁴ О. С. Cox, Race and caste: a distinction, «American Journal of Sociology», 1945, 50, стр. 361.

³⁵ M. Humphrey, American race relations and the caste system, «Psychiatry», 1945, 8, стр. 280.

³⁶ «Pedagogical experiment at Duke university», «American Anthropologist», 1946, № 3, стр. 489.

³⁷ См. «American Anthropologist», 1947, № 4.

³⁸ E. C. Parsons, Anthropology and prediction, «American Anthropologist», 1942, № 3, стр. 341.

«факты» были действительно объективными фактами! Нет, в числе их очень много ненадежных, даже явно недоброкачественных сообщений, есть и просто фальсифицированный материал, в особенности в работах новейших буржуазных этнографов. Разобраться в этом скопище разношерстного материала, отделить ценное от негодного, установить порядок и систему, из массы разрозненных фактов построить историю первобытного общества — дело весьма и весьма нелегкое. Чтобы его выполнить, необходимы два условия: владение методом марксизма-ленинизма, который только один и может помочь исследователю правильно понять факты, и хорошее знание самых этих фактов, т. е. достаточная эрудированность и в археологической и в этнографической науке. При нарушении хотя бы одного из этих условий исследователю грозят две опасности: или потонуть в море сырого материала, не сумев в нем разобраться, или отбросить этот материал в угоду сухой и абстрактной, заранее составленной схеме.

Труднее всего правильно сочетать материал археологии и этнографии, двух основных наук, данные которых равно необходимы для построения истории первобытного общества, но каждая из которых в отдельности еще не дает возможности построить такую историю. Очень мало людей, в должной мере эрудированных и в этнографии и в археологии, да притом владеющих марксистско-ленинским методом. Вот почему мы до сих пор еще не имеем доброкачественного учебника первобытной истории.

Автор рецензируемого учебника — опытный археолог. Он пытается — всегда ли удачно, это уже другой вопрос — проводить марксистско-ленинскую точку зрения при решении и самых общих и отдельных, более частных, проблем первобытности. Само построение книги базировано им на принципах периодизации истории первобытного общества, которую автор стремится увязать с периодизацией Морган — Энгельса. Изложение ведется в основном на конкретном материале, — прежде всего на археологическом, но в немалой степени и на этнографическом. Первое и немудрено, ибо автор — сам археолог; но нельзя не одобрить и широкого привлечения автором этнографического материала, довольно разнообразного. При этом этнографический материал не только приводится автором в качестве конкретных иллюстраций определенных стадий развития человечества, но именно он положен в основу трактовок автором целого ряда общих проблем общественного строя первобытной эпохи, — что нельзя опять-таки не признать вполне правильным.

Ничего нельзя возразить автору и по поводу того, что он отказывается от чисто догматического изложения материала и выводов, предпочитая, по крайней мере по ряду спорных, еще не до конца решенных вопросов, проблемный стиль изложения, знакомя своих читателей с историей вопроса, с различными взглядами. При этом он, конечно, не притесняет за чужими взглядами, не заставляет читателя самого делать выбор между противоречивыми мнениями, а каждый раз дает свое, худо ли хорошо ли, но мотивированное решение проблемы. «Полагая, — правильно пишет сам В. И. Равдоникас, — что курс для высшей школы должен давать отнюдь не догматическое знание, автор стремился везде, где мог, включать в свою систему изложения доказательства, аргументацию, т. е. элементы исследования, а также критику неприемлемых для него мнений. Это совершенно необходимо при творческом построении курса в такой еще далеко, конечно, неустоявшейся области исторического знания, как первобытная история» (ч. 1, стр. 4). Автор резко критикует враждебные нам реакционно-буржуазные концепции по вопросам первобытной истории (хотя нельзя не огорчиться, что новейшие реакционные концепции остаются неразоблаченными).

Но как — в этом главный вопрос — удалось автору разрешить основную задачу — задачу правильного сочетания археологического и этнографического материала для построения единой истории первобытного общества? Мы оставим здесь в стороне трактовку В. И. Равдоникасом материала археологии, в котором он является достаточно компетентным специалистом, — предоставим это сделать археологам. Заметим только один существенный минус: автор следует дурной традиции старых археологов, ограничивая свое рассмотрение одним лишь европейским материалом, с небольшими дополнениями по азиатским территориям СССР и по Северной Африке. Археология всех остальных частей света в книге почти целиком отсутствует. Едва ли можно считать убедительной ту отговорку, которую автор по этому поводу мимоходом бросает, — о преждевременности якобы написания «всемирной истории эпохи камня» (ч. 2, стр. 153). Разве следует отдавать эту задачу в руки буржуазных фальсификаторов науки вроде Освальда Менгина?

Отметим и еще одну, уже гораздо более существенную ошибку автора в трактовке археологического материала, ошибку, заметить которую можно, и не будучи археологом, и которая имеет ближайшее отношение к увязке археологического материала с этнографическим: мы имеем в виду отнесение проф. Равдоникасом палеолита «почти целиком», т. е. включая и мустьерскую эпоху, значит и неандертальца к средней ступени дикости (ч. 1, стр. 92, 116—168 и сл.). Автор, правда, не первый из археологов делает эту ошибку, но она не становится от этого более извинительной. Проф. Равдоникас не считает нужным на этот раз, вопреки своим собственным принципам, приводить мотивы, по которым он решается провести столь резкую грань между нижним и средним палеолитом (точнее даже между нижним

и верхним ашёлем, ибо верхний ашёль он тоже склонен относить к средней ступени дикости) и не проводит никакой грани между средним и верхним палеолитом, между стадией неандертальца и появлением современного человека. Ни «окончательное овладение огнем», почему-то относимое автором к среднему палеолиту (стр. 168), ни рост значения охоты, ни новая техника «скальвания» при обработке кремня — сами по себе еще не дают права ставить неандертальца на один уровень с современным «разумным» человеком эпохи верхнего палеолита, носителей грубой верхнеашёльской и мустьерской техники — с маденскими охотниками за оленем и художниками альтамирокской пещеры. Еще хуже другое: при такой разбивке материала по ступеням моргановской периодизации, какую дает проф. Равдоникас, на одну ступень с неандертальцами попадают и современные австралийцы (ибо автор не оспаривает общепринятого отнесения австралийцев к средней ступени дикости). А это уже не только противоречит всем нашим данным об общественном строе и культуре этого угнетаемого колонизаторами, но жизнеспособного и свободолюбивого народа; это является и грубейшей политической ошибкой, которую нет надобности особо разъяснять.

Современное состояние советской науки дает право с полной уверенностью утверждать, что, как правильно говорит С. П. Толстов¹, что «реальной гранью между низшей и средней ступенями дикости является завершение становления самого вида современного человека». Это соответствует началу верхнего палеолита, характеризующему «возникновением искусственно изготовленных орудий для производства орудий». Завершение процесса антропогенеза, появление рас современного человека, новый, более высокий уровень развития производительных сил, достигнутый в верхнепалеолитическую эпоху (быть может, и открытие умения добывать огонь относится к этой же эпохе), — все это заставляет считать началом средней ступени дикости никак не средней палеолит, а именно верхний палеолит.

Перейдем, однако, к вопросу об использовании собственно этнографического материала в книге В. И. Равдоникаса. Удовлетворительно ли используется здесь этот материал с точки зрения современного состояния советской и мировой этнографической науки? К сожалению, нет.

Прежде всего бросается в глаза структурная неслаженность учебника проф. Равдоникаса. Автор справедливо признает основными источниками знаний о первобытном обществе две науки — этнографию и археологию (ч. 1, стр. 23, ч. 2, стр. 3). Однако в первом томе (период дикости) этнографическому материалу отводится совершенно недостаточное место, о нем автор упоминает лишь вскользь, там и сям, и без определенного порядка. Чаще других упоминаются австралийцы, но непоследовательно: об их хозяйстве и общественном быте автор говорит непосредственно после характеристики техники мустьерской эпохи (стр. 181—182), повторяя здесь ошибку буржуазного археолога Солласа; о религиозных же верованиях он говорит в связи с изложением материала по верхнему палеолиту (стр. 220—222 и др.), нарушая этим свою собственную схему. Второй том, посвященный периоду варварства, построен вообще по-другому: низшая ступень варварства характеризуется автором сначала на этнографическом материале (и здесь его довольно много), потом на археологическом; но после этого автор вообще отказывается от следования периодизации Моргана — Энгельса и говорит не о средней и высшей ступенях варварства, а об «эпохе меди и бронзы». Этнографический материал здесь собран в главу, названную «Этнографические примеры обществ с патриархально-родовым строем или его пережитками» (стр. 311—322).

Хотя в этом втором томе этнографический материал представлен достаточно обильно, использование его не может не вызвать самых серьезных возражений. На одну и ту же «низшую ступень варварства» автором поставлены народы, стоящие в действительности на весьма различных уровнях развития: не только ирокезы и другие племена восточных штатов Северной Америки (классические представители низшей ступени варварства), но и эскимосы и племена северо-западного побережья Америки (стр. 30, 32) индейцы-пуэбло (стр. 30, 46), ительмены, юкагиря и айны Северной Азии (стр. 31), папуасы (стр. 32), ряд племен Африки и Юго-Восточной Азии (стр. 51). Едва ли хоть один этнограф согласится с подобной группировкой. Индейцев-пуэбло Морган и Энгельс относили, вполне правильно, к средней ступени варварства, основываясь прежде всего на наличии у них высоко интенсивного земледелия с искусственным орошением. Проф. Равдоникас с этим не согласен: по его мнению, индейцам-пуэбло нельзя вменять в особую заслугу введение оросительного земледелия, ибо последнее «объясняется сухостью песчаной почвы, на которой земледелие без ирригации невозможно» (стр. 46). Очевидно, проф. Равдоникас только в том случае согласен считать оросительное земледелие признаком средней ступени варварства, если оно применяется данным народом без всякой к тому необходимости. Сложнее вопрос с эскимосами. В. И. Равдоникас не только ставит их на низшую ступень варварства, но в пределах этой ступени отводит им место «близко к началу периода варварства» (стр. 30); он ставит их ниже папуасов (стр. 32) и почти

¹ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации первобытного общества, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 28.

на один уровень с австралийцами и огнеземельцами, считая, что они «сохранили ряд основных особенностей высшей ступени дикости» (стр. 6). А так как австралийцы, как мы выше видели, ставятся автором на одну ступень с неандертальцами, то место эскимосов (одного из народов Советского Союза, между прочим!) в истории развития человечества становится весьма незавидным. Почти тот же уровень развития автор находит, по крайней мере в XVIII в., и у ительменов, юкагиров, айнов (стр. 31). На основании чего же проф. Равдоникас делает такую странную группировку народов? — На основании формального признака: господства охотничьего хозяйства у данных народов. Но ведь это же чисто зональное явление, распространенное у ряда арктических и субарктических народов, независимо от уровня их культурного развития, от чуждо до русских поморов. Наличие у эскимосов «коллективных форм производства и распределения» и «признаков материнского родового строя» (стр. 31) также отнюдь не может служить основанием для отнесения эскимосов (равно как ительменов, юкагиров и других народов) к низшей ступени варварства: этнографам хорошо известны факты сохранения пережитков того и другого на сравнительно очень поздних стадиях общественного развития, вплоть до раннеклассовых обществ.

Набросав, таким образом, в одну кучу под названием «низшей ступени варварства» ряд самых различных народов, проф. Равдоникас несколько иначе, но еще более неудачно поступает с другими народами, в общем более культурными, которых он, видимо (судя по общей конструкции книги), рассматривает как иллюстрации средней ступени варварства (ибо высшая ступень варварства обещана автором в еще не вышедшей 3-й части книги). Он, однако, избегает этого наименования и предпочитает называть данную группу народов «этнографическими примерами обществ с патриархально-родовым строем или его пережитками» (стр. 311). Какие же народы сюда попадают? — «Скотоводческие племена Южной Африки», монгольские и тюркские народы Азии (более подробно автор описывает некоторые группы казахов), «народы Северного Кавказа», наконец, «южные славяне». Группа более чем странная! И хотя В. И. Равдоникас говорит по отношению к некоторым из этих народов лишь о «пережитках патриархально-родового строя» и — надо надеяться — не хочет ставить народы Болгарии и Югославии на один исторический уровень с кафрами и готтентотами, однако уже само расположение всех этих народов рядом, в одной главе, посвященной «возникновению металлургии меди и бронзы» (буквально!), — способно вызвать глубокое недоумение не только у этнографа, но и у всякого человека, хоть немного слышавшего об этих народах. А так как автор не считает нужным хотя бы сделать оговорку об условности даваемой им группировки, то недостаточно подготовленный читатель, прочтя эту главу, сделает для себя естественный вывод, — что описанные в ней народы, негры и готтентоты Африки, монголы Чингис-хана, современные казахи и калмыки, черкесы и народы Дагестана, сербы и болгары — суть представители одной и той же исторической стадии развития. В тексте книги проф. Равдоникаса нет ни одного слова, которое бы помешало читателю сделать этот нелепый, но логически вытекающий из изложения автора вывод. Подобное обращение с этнографическим материалом заставляет думать, что автору остался совершенно чужд тот исторический подход к этому материалу, который характеризует современную советскую этнографию. Автор находится в этом отношении, видимо, еще под обаянием старого буржуазного эволюнизма.

Отсутствие исторического подхода к данным этнографии сказывается у автора между прочим и в том, что он совершенно игнорирует вопросы этногенеза народов, о которых он говорит. Правда, в первом томе книги В. И. Равдоникас посвящает несколько страниц «этногоническому процессу» (стр. 97—100), а в другом месте говорит, вполне правильно, о необходимости проверки «статических материалов этнографии» историческими данными (стр. 22—23); но при изложении конкретного материала он совершенно забывает о своих собственных обещаниях. Проблемы происхождения и истории тех народов, которые по разным поводам упоминаются в книге, автор нигде не касается. Как и когда были заселены Австралия, Америка, и вся вообще эйкумена, где, когда и как формировался этнический и культурный облик современных австралийцев, индейских племен, народов Южной Африки и др., — все это вопросы, совершенно не интересующие автора. Едва ли не в одном единственном месте затрагивает автор вопрос о происхождении упоминаемого им народа, — и как раз довольно неудачно: речь идет о тех же эскимосах. Автор считает их «остатком очень древних племен, перешедших Берингов пролив из Азии в Америку к началу мезолита и сохранивших при своем дальнейшем развитии многие древние особенности в общественной жизни» (ч. 2, стр. 30—31). Это — не что иное, как старая, ныне почти всеми оставленная теория Бойд-Даукинса, считавшего эскимосов потомками европейских кроманьонцев, теория, которую сам В. И. Равдоникас в ее археологической части справедливо критикует (ч. 1, стр. 30). Автор не обнаруживает знакомства с обширной современной литературой по «эскимосской проблеме», игнорирует не только этнографические, но и археологические исследования последних лет в районе Берингова моря, исследования, в результате которых выясняется с достаточной определенностью позднее появление эскимосской культуры на арктическом побережье Америки. Мало того: цитированные выше слова проф. Равдоникаса наводят на мысль, что он склонен связывать сохранение у эскимосов «многих древних

особенностей в общественной жизни» именно с их якобы древним переселением в Америку (а иначе зачем он именно в этой связи, и только в одном этом месте во всей книге, касается вопроса о происхождении народа?); но тем самым автор невольно становится на точку зрения новейших буржуазных диффузионистов (в частности, датской школы), которые, как известно, считают, что архаические черты тем сильнее представляются в культуре данного народа, чем раньше этот народ выселился из своей предполагаемой прародины. Все это весьма далеко от постановки этногенетической проблемы в советской науке.

Перейдем к отдельным проблемам первобытной истории, которые трактуются автором на основании или с помощью этнографического материала. Насколько удовлетворительна их трактовка?

В некоторых случаях ее можно признать удачной. Хотя многие вопросы здесь спорны, но нам представляется, например, правильным, что проф. Равдоникас признает первичной формой материнско-родового строя «дуальную организацию» (ч. 1, стр. 209, ч. 2, стр. 56) и именно из этой древнейшей формы экзогамии выводит обычай кросс-кузенного брака и тому подобные явления. В этом он более прав, чем некоторые этнографы, в том числе даже Л. Я. Штернберг, ставящие на голову последовательность явлений и сводящие дуально-экзогамную организацию к кросс-кузенному браку.

В вопросах развития форм хозяйства автор опирается в основном на этнографический материал и в общем довольно удачно. При всей спорности проблем возникновения земледелия и скотоводства взгляды автора заслуживают внимания. Его точка зрения на происхождение скотоводства, связанная с критикой буржуазно-идеалистических концепций, представляется достаточно убедительной (стр. 6—16). То же надо сказать и о его понимании возникновения земледелия, где проф. Равдоникас, между прочим, высказывает взгляд на происхождение культурных растений, близкий к современному мичуринскому пониманию этого процесса (стр. 21—22 и др.).

Есть и другие интересные и верные замечания автора по поводу отдельных проблем, связанных с этнографической наукой.

Однако, к сожалению, примеров в е р н о й трактовки этнографических проблем в книге проф. Равдоникаса немного. Чаше встречается обратное. Автор обнаруживает то и дело недостаточное знакомство как с конкретным этнографическим материалом, так и с состоянием проблематики современной — особенно советской — этнографической науки.

Так, например, проф. Равдоникас продолжает некритически придерживаться теории «кровнородственной семьи», в том виде, как ее в свое время излагал Морган (ч. 1, стр. 96, 182—183), даже не упоминая (а может быть и не зная), что в современной советской этнографической науке эта теория вызвала серьезные возражения как несоответствующая фактам. От этой «кровно-родственной семьи» автор ведет линию к «образованию рода», усматривая зародыш последнего в гавайской «семье пуналуа» (стр. 207) и, очевидно, продолжая считать гавайцев, как это делалось во времена Моргана, представителями самой низкой стадии развития². Что гавайцы и другие полинезийцы не имеют ничего общего с дикостью, что это весьма культурный и развитый народ, стоявший уже до прихода европейцев на грани классового строя, создавший в XIX в. ряд туземных государств, что полинезийцы имеют за собой богатое историческое прошлое и давно пережили стадию родового строя, что гавайская семья «пуналуа» ни с какой стороны не может рассматриваться как образец примитивной формы семьи, будучи запоздалым обломком группового брака, возникшим в условиях разложения рода, — обо всем этом проф. Равдоникас или сам не имеет представления или почему-то не считает нужным осведомить своих читателей. Опять тот же совершенно неисторический взгляд на современные народы.

Между прочим, признавая теорию кровнородственной семьи (как э н д о г а м н о й формы), В. И. Равдоникас употребляет в другом месте термин «кровнородственный» в совершенно ином смысле — для обозначения э к з о г а м н ы х родовых союзов (ч. 2, стр. 55—56).

Странным представляется также, что проф. Равдоникас продолжает считать «непоколебленной» старую буржуазную схему развития хозяйства — теорию «трех ступеней» (охота — скотоводство — земледелие), созданную, видимо, еще Адамом Смитом, но в современной этнографии давно оставленную (ч. 2, стр. 34). Автор пытается спасти эту примитивно-упрощенную схему указанием на то, что «настоящее полевое земледелие» возможно только с использованием «тягловой силы скота» и, следовательно, предполагает в прошлом стадию скотоводства; но он едва ли здесь прав, ибо, во-первых, и «мотыжное» земледелие является не менее «настоящим», чем плужное, а в некоторых странах, как в Китае, Японии, оно по интенсивности и про-

² Напомним, что уже Энгельс в 4-м издании своей книги «Происхождение семьи...» (1891 г.) на основании накопившихся у него новых фактов счел необходимым поставить под сомнение взгляды Моргана на историческое место пуналуальной семьи; «мы... знаем теперь, — писал он, — что Морган в этом пункте зашел слишком далеко» (см. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1937, стр. 56—57).

дуктивности не уступает, а превосходит плужное земледелие; во-вторых же, и народы, занимающиеся плужным земледелием, отнюдь не обязательно должны были пройти через стадию скотоводства, так как одомашнить и использовать в хозяйстве отдельные породы скота — еще не значит заниматься скотоводством как основной формой хозяйства. Вопрос об исторических взаимоотношениях земледельческого и скотоводческого хозяйственных укладов обстоит в современной науке гораздо сложнее, чем это представляли себе старые буржуазные экономисты.

С этим же связана и другая ошибка В. И. Равдоникаса: он считает «полуоседлое кочевое скотоводство» (странное, кстати, сочетание терминов) «более поздним типом» хозяйства сравнительно с «чистым скотоводством при непрерывном кочевании», которое он рассматривает, как «наиболее древний тип» (ч. 2, стр. 313—314). В советской этнографической литературе преобладает как раз обратный взгляд: «чистое» кочевничество, связанное с крупнотабунным скотоводством, есть поздняя, высоко специализированная форма хозяйства, сложившаяся лишь в ходе долгого исторического развития.

По вопросу о происхождении плуга проф. Равдоникас повторяет старую упрощенную теорию: «плуг происходит из мотыги» (ч. 2, стр. 302). Для археологов эволюция плуга — вообще слабое место, ибо в раскопках находятся обычно лишь сошники, — а каков был весь плуг, археолог знать не может. Но в этнографической литературе давно и детально исследованы все типы и разновидности плуга, из которых одни восходят действительно к мотыге, другие — к заступу. Приводимая автором «схема развития от мотыги к плугу» (там же, рис. 115) — фантастична, ибо в ней перемешаны совершенно различные, генетически не связанные формы плуга, и из них некоторые явно связаны с заступом, а не с мотыгой.

По вопросам общественного строя мы встречаем в книге проф. Равдоникаса еще целый ряд или сомнительных или явно неверных утверждений. Весьма сомнительно, что «сама логика патрилокального брака... может привести к возникновению отцовского счета родства» (ч. 2, стр. 71—72), — чисто априорный и голословный взгляд, противоречащий фактам. Непонятно проводимое автором, но не принятое в этнографической науке противопоставление «мужских союзов» «тайным обществам» (стр. 93), причем и о распространении мужских союзов и о их функциях говорится очень неясно. Трудно сказать, откуда автор взял «территориальную экзогамию» в первобытном обществе, о которой он говорит весьма уверенно (стр. 59—60).

Но самое неудачное у автора в этом отношении — это трактовка межплеменных отношений первобытного общества, в частности на низшей ступени варварства. Автор сильно преувеличивает «родо-племенную замкнутость», разобщенность племен, преувеличивает значение войны как формы межплеменных отношений. Он слишком спускает краски при описании жестоких обычаев, связанных с войной: каннибализм, охота за черепами, сдирание скальпов с убитых врагов, истязания и умерщвление пленных и пр. (стр. 94—96) — все эти ужасы как будто нарочно собраны автором, чтобы произвести посильнее впечатление на читателя. Но они заимствованы скорее из старых приключенческих романов и из обывательских представлений, чем из точных научных данных. Кое-что здесь и верно, но все вместе страшно преувеличено и, будучи собрано в один букет ужасов, создает просто неверное впечатление. Прежде всего война на данной стадии развития отнюдь не является обычной формой межплеменных отношений, — гораздо более нормальные мирные и дружественные сношения, обмен, взаимные посещения, совместные празднества и т. п. Во-вторых, если и ведется война, она чаще бывает подчинена определенным правилам (различным у разных народов) и ограничениям. Если говорить о каннибализме, он отнюдь не так «необычайно широко распространен», как полагает проф. Равдоникас (стр. 95): напротив — это явление, встречающееся лишь в определенных ограниченных районах; в ряде случаев, где наблюдатели с ужасом описывали страшные сцены каннибальских пиршеств — например, на Фиджи в Океании, — распространение людоедства на поверку оказывается результатом колониальной политики европейцев, ввозивших огнестрельное оружие, спекулировавших на межплеменной вражде и разжигавших ее. Так безоговорочно обобщать описание каннибальских обычаев, как это делает В. И. Равдоникас, распространяя их на целую стадию развития человечества и на современные отсталые народы, глубоко ошибочно с научной точки зрения и далеко не безупречно с политической. «Охота за черепами» — обычай, еще более узко локализуемый. Говоря об обычаях скальпирования в Сев. Америке (стр. 94), автор должен был бы знать, что добывание скальпов получило широкую распространенность лишь в XVII—XVIII вв. под прямым влиянием колониальной политики Англии и Франции: первоначально этот обычай был известен лишь немногим племенам юго-восточной части материка, да и у них редко применялся; но так как англичане и французы, втягивая индейские племена в свою взаимную борьбу, умышленно разжигая межплеменные войны и стремясь всеми мерами отеснить и истребить туземцев, поощряли их жестокие обычаи и платили за каждый принесенный скальп, — то в результате в короткое время погоня за скальпами распространилась по всему континенту. Эту историю хорошо выяснил Георг Фридрих в специальном исследовании (*«Skalpierten und ähnliche Kriegsgebräuche in Amerika»*, 1906).

Не меньше погрешил проф. Равдоникас против истины, говоря об «огромном распространении детоубийства», об умерщвлении стариков, оставлении без помощи

больных и т. п. (стр. 100—101), — а ведь это даже и не сфера межплеменных отношений, где он может сослаться по крайней мере на законы войны и цитировать по этому поводу некоторые места из Энгельса. Не совсем даже понятно, зачем понадобилось проф. Равдоникасу так сгущать краски в описании жестокости и варварства отсталых народов. Во всяком случае здесь особенно отрицательно сказалось влияние применяемого им порочного метода старых этнографов-эволюционистов: привести наудачу два-три факта, взятых откуда придется, и сделать из них сразу широко обобщающий вывод.

Автор не замечает, как мало гармонируют с этими ужасами, расписываемыми им на нескольких страницах, те слова Энгельса, которые он сразу же после этого приводит, — слова о «чудесной организации» родового строя, где «все идет своим установленным порядком», «всякие споры и недоразумения разрешаются коллективным тех, кого они касаются», где кровная месть является «крайним, редко применяемым средством», «где бедных и нуждающихся не может быть» и т. д. (стр. 101—102).

И все-таки самое слабое место книги проф. Равдоникаса не здесь, а в другом: в тех главах, где речь идет о религии, а также о языке и искусстве первобытной эпохи. Он называет эти явления «общественными представлениями» (ч. 1, стр. 213, ч. 2, стр. 103), хотя почему-то глава о «происхождении религии» (ч. 1, стр. 230) стоит отдельно от главы об «общественных представлениях». Но не в этом дело. Беда в том, что автор как-то пытается согласовать марксистско-ленинскую точку зрения на сущность религии, которую он в общем неплохо излагает, — с совершенно устаревшими, примитивно-эволюционистскими взглядами классиков буржуазной этнографии — Тэйлора и Спенсера. По мнению В. И. Равдоникаса, «работы Тэйлора по первобытным верованиям» — «не утратили своего значения и до настоящего времени» (ч. 1, стр. 28); несмотря на некоторые оговорки, он полагает, что «самый процесс возникновения и развития анимизма намечен был Тэйлором... правильно» (ч. 2, стр. 114). По его мнению, уже палеолитические погребения свидетельствуют о наличии веры в душу (ч. 1, стр. 230). Далее, «заботы о мертвых естественно переходят в культ предков» (ч. 2, стр. 116). Совершенно так же думал и Герберт Спенсер.

Но В. И. Равдоникас столь же некритически принимает и взгляды некоторых более новых буржуазных авторов. Он считает «правильными и важными положениями» теории Фрэзера о тотемизме, Леви-Брюля о первобытном мышлении (ч. 1, стр. 231). Жаль, что автор не указывает, какую именно из трех, друг друга исключаящих, но одинаково нелепых теорий Фрэзера о тотемизме он считает «правильным и важным положением». Однако если бы проф. Равдоникас был знаком хотя бы с описательным материалом по тотемизму, собранным в четырехтомнике Фрэзера, он едва ли стал бы утверждать, что «тотемные животные и растения являются предметом культового поклонения» (стр. 220), ибо он узнал бы, что суть тотемизма в том и состоит, что тотем считается чем-то близким, родственным, но никак не «предметом поклонения».

Тому же Фрэзеру автор некритически следует и в вопросе о понимании магии. Он берет у Фрэзера его весьма неудачную, поверхностную и неполную классификацию видов магии, причем даже и не сосылается здесь на Фрэзера, видимо, считая эту классификацию общепринятой в науке (стр. 221—222). Однако во II томе проф. Равдоникас отходит в вопросе о магии от Фрэзера и вновь возвращается к анимистической теории, заявляя, что магии «присуща анимистическая подоснова» (ч. 2, стр. 108, 110).

Конечно, автор может нам сказать, что в современной науке, и в буржуазной и в советской, многие продолжают придерживаться анимистической теории. Это верно; но сейчас едва ли кто-нибудь удовлетворяется тэйлоровско-спенсеровским объяснением происхождения анимистических верований. Проф. Равдоникас, например, совершенно неправ, полагая, что крупнейший русский этнограф Л. Я. Штернберг «примыкает к Тэйлору» в понимании первобытных верований (ч. 1, стр. 32). Если бы он дал себе труд прочесть более внимательно работы Штернберга по вопросам первобытной религии, он убедился бы, что этот ученый смотрел гораздо более глубоко и правильно на вопрос о происхождении религии и что его «анимистическая» теория лишь по названию напоминает тэйлоровскую.

К Леви-Брюлю В. И. Равдоникас относится более критически, и критика его во многом правильна (ч. 2, стр. 127—129). Но она не идет до конца, потому что автор не разобрался в значении центрального понятия дюркгеймовско-левибрюлевской социологии — понятия «коллективных представлений». Всякая критика Леви-Брюля, если она прежде всего не раскроет смысла этого своеобразного понятия («коллективные представления»), не покажет его методологических корней, — будет бить мимо цели.

И действительно, критикуя Леви-Брюля, проф. Равдоникас все же во многом поддается обаянию этого буржуазного философа и притом, к сожалению, как раз в тех вопросах, где концепция последнего весьма слаба: например, в вопросах, касающихся языка.

Страницы, посвященные развитию языка (ч. 2, стр. 124—126), способны вызвать у читателя, хоть немного знакомого с языкознанием, полное недоумение. Если по вопросам чисто этнографическим проф. Равдоникас обнаруживает, по крайней мере

в некоторых случаях, осведомленность, то в этой смежной с этнографией области он совсем беспомощен. Чего стоит уже один принцип классификации языков! До сих пор мы привыкли пользоваться двумя способами классификации языков: генеалогическим и морфологическим. Автор не хочет и знать об этих принципах классификации, а исходит из своего собственного: распределяет языки по тем же ступеням моргановской периодизации. У него получается в данном случае «язык низшей ступени варварства» (стр. 124), специфические особенности которого автор и описывает в данной главе. Где, когда, у каких народов существует или существовал этот язык,— автор не считает нужным указывать, хотя мимоходом ссылается и на языки австралийцев, тасманийцев, племен Америки. Описывает же он особенности «языка низшей ступени варварства» частью по Леви-Брюлю, частью просто по обывательским представлениям, со ссылкой, в частности, на Фенимора Купера и Майн-Рида. После этого читатель уже не удивится, увидев в тексте данной главы заимствованный у Леви-Брюля и повторенный в десятках «научных» работ пример с нелепым разбором фразы «человек убил кролика». Эта фраза на каком-то «индейском» языке (на каком именно, автор, конечно, не говорит) звучит якобы так: «человек, он, один, живой; стоя, нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего» (стр. 125). Пример этот должен иллюстрировать «конкретность первобытного восприятия». Автору не приходит в голову, что почти такой же результат получится, если подвергнуть подобному разбору эту самую или любую другую фразу на русском языке или на всяком другом языке, сохранившем грамматические категории.

Автор слышал, далее, о существовании «пассивного строя речи», где подлежащее становится в косвенном падеже (например, вместо «я убил оленя» говорится «мною убил оленя»), и истолковывает это явление с чисто леви-брюлевской точки зрения. «Олень убит не мною, а лишь «при посредстве меня». Но кем же? Очевидно, какой-то мистической, магической силой, действительной причиной убийства оленя... Здесь магизм (!) определяет своеобразные особенности логики мышления, выражаемые синтаксисом» (стр. 125—126). Да, при таком своеобразном анализе нетрудно найти «магизм» в любом языке. Автор мог бы прекрасно обойтись и без примеров из языков пассивного строя: пусть он возьмет простые русские выражения: «мне хочется», «мне кажется», «мне думается», и поставит тот же вопрос: кто здесь действующее лицо, «действительный субъект предложения»? Очевидно,— «какая-то мистическая, магическая сила.»

Переходя к вопросу о фольклоре, проф. Равдоникас делает здесь ту же ошибку, которую делают и многие фольклористы (например, В. Я. Пропп), повторяя некритически взгляды давно устаревшей мифологической школы: он считает, что древнейшая форма фольклора есть миф, а все прочие его виды возникают лишь гораздо позже, когда с появлением «новых религиозных представлений» старые мифы теряют свое священное значение и «становятся простыми повествованиями», не священными, а «мирскими». Только тогда «миф превращается в сказку» (стр. 133). Этот старый взгляд, сводящий всю умственную деятельность первобытного человека целиком к религии и мифологии, отрицающий у него и потребность и способность к чисто художественному творчеству, раскритикован и отброшен советской фольклористикой и этнографией.

Таковы довольно многочисленные ошибки проф. Равдоникаса по принципиальным вопросам первобытной истории, имеющим отношение к этнографии. Как видим, почти все эти ошибки имеют одну причину: недостаточное знакомство автора с состоянием проблематики и достижениями современной советской этнографии.

Но, читая книгу проф. Равдоникаса, мы видим и другое: автор недостаточно знаком и со старым этнографическим материалом. Он берет его по большей части из вторых рук, зачастую из недоброкачественных источников, нередко — вообще неизвестно откуда. Об этом свидетельствуют очень многочисленные «ляпы» автора по вопросам конкретной этнографии. Приведем несколько примеров.

На стр. 10 первого тома автор говорит, что «еще несколько десятков лет назад ирокезы сохраняли свой древний родовой уклад жизни». Очевидно, автор относит этот родовой уклад ирокезов ко времени жизни Моргана, который, по его словам, «имел возможность детально изучить племенной союз ирокезов» (стр. 30). В действительности ирокезы задолго до этого времени были частью истреблены, частью отеснены со своей территории и поселены в резервации, совершенно утративши «древний родовой уклад», и Моргану пришлось пользоваться лишь рассказами стариков для воссоздания картины этого древнего уклада.

Отдельные народы описываются В. И. Равдоникасом на основании неизвестно каких источников. При описании эскимосов он ссылается только на Штернберга (ч. 2, стр. 31), хотя известно, что Штернберг никогда никаких эскимосов не изучал. «Исследователем» ирокезско-гуронских и алгонкинских племен автор считает Крикеберга (стр. 42), хотя последний был лишь компилятором. В большинстве же случаев проф. Равдоникас вообще воздерживается от всяких ссылок. В особенности упорно избегает он упоминать имена русских и советских исследователей.

Проф. Равдоникас приписывает австралийцам «посадку корней ямса» (ч. 2, стр. 18—19). Подобные сообщения действительно имеются (Грегори), но они относятся лишь к отдельным местностям и вообще совершенно не характерны для

австралийцев. На стр. 28 автор говорит о свиньях и собаках как о единственных домашних животных Океании, упуская из виду курицу, имевшую местами не меньшее значение. На стр. 44 он описывает охотничьи племена прерий Северной Америки, ни слова не говоря о том, что к охотничьему хозяйству эти племена перешли совсем недавно, будучи вытеснены колонизаторами из более восточных областей, где они занимались земледелием. Напротив, на стр. 48 автор почему-то приписывает земледельческое хозяйство навахам и апачам, которые никогда его не знали. На стр. 60 В. И. Равдоникас поселяет папуасов войя-венда в «центральную часть Новой Гвинеи», когда они в действительности живут в северо-западной части острова. Племена массим (юго-восточная Новая Гвинея) он называет папуасскими (стр. 69), хотя они принадлежат на самом деле к меланезийцам. Ирокезам автор приписывает «турано-ганованскую» систему родства (стр. 40), хотя «туранскими» системами Морган, как известно, называл распространенные у народов Азии системы родства, основанные на мужском (а не на женском, как ганованские) счете происхождения.

Очень странное впечатление производит заявление В. И. Равдоникаса о распространении «узловое письмо» у индейцев Северной Америки; у народов же Мексики и Перу, по его мнению, применялось «письмо, напоминающее наши ребусы», т. е. иероглифическое (стр. 132). Но ведь не надо быть этнографом, чтобы знать, что на самом деле, как раз наоборот, в Перу употреблялось «узловое» письмо (кипу), иероглифическое же там не было известно, а существовало у майя и ацтеков. В другом месте автор приписывает тем же мексиканцам одомашнение ламы и альпака (стр. 14—15).

На стр. 319 автор говорит о кумыках и лезгинках, как о народах, «родственных караевцам». В каком смысле надо понимать это «родство» яфетического народа с тюркоязычным, неизвестно. Далее, почти рядом, мы встречаем такой перечень южнославянских народов: «черногорцы, хорваты, сербы, болгары, далматинцы» (стр. 320). Странная классификация! Ведь известно, что черногорцы — это те же сербы, а далматинцы — частью сербы, частью хорваты.

В книге встречается столь частое искажение этнических названий и местных слов, что невольно напрашивается мысль, что автор не видел соответствующих источников. Так, на стр. 207 первого тома приводятся названия восьми «брачных классов» племени арунта, но из них пять названий искажены до полной неузнаваемости. Известное название тотемических обрядов у тех же арунта «интичума» автор пишет несколько раз «интихиум» (стр. 220—222), причем относит и слово и самый обряд к австралийцам вообще. Бразильское племя труман автор переделал в «тумаи» (стр. 220, три раза). Хорошо известное религиозно-магическое представление народов Океании о «мане» проф. Равдоникас упорно и многократно (стр. 108—110) называет «ману», — кто знает, не смешивая ли с «законами Ману» древних индусов?

Нельзя не обратить внимание и на неряшливость в географических названиях. По словам проф. Равдоникаса (ч. I, стр. 26) Миклухо-Маклай «изучал население Малакки и Манилы» (?). Хорватию В. И. Равдоникас называет «Кроаццией» (стр. 134), Крапинскую стоянку относит в одном месте к этой стране (правильно), но в другом — к Австрии (стр. 174).

Вывод из всего сказанного представляется достаточно ясным. Автор рецензируемой работы, большой эрудит в области археологии, справедливо решил, что без этнографии нельзя построить курса истории первобытного общества. Но к этнографии он отнесся недостаточно серьезно. Это, к сожалению, и не ново. До сих пор существует взгляд на этнографию как на некое сборище курьезов, которым можно пользоваться, не будучи специалистом. До сих пор имеется отношение к этнографическому материалу, как к бесхозяйному имуществу, откуда каждый может брать что хочет. До сих пор не все понимают, кроме того, разницу между этнографическим материалом и этнографической наукой — разницу, которую хорошо отметил еще Н. И. Надеждин, один из писателей русской этнографии, 100 лет назад. Но тогда, при Надеждине, этнографии как науки — как он и сам указывал — еще не было. Теперь она есть. Советская этнография представляет собой вполне сложившуюся науку, со своими принципами, со своим методом, со своими проблемами, с прочно установленными фактами. Игнорировать советскую этнографическую науку, пользоваться по дилетантски кое-какими, случайно там и сям набранными фактами, подбирать дажно заброшенные буржуазные этнографические теории и на основе всего этого строить «историю первобытного общества» — от такого способа действия хорошего ждать нельзя.

С. Токарев

С. И. Руденко, *Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема*. Под общей редакцией академика Л. С. Берга и члена-корреспондента Академии Наук СССР проф. В. И. Равдоникаса, Изд-во Главсевморпути, М.—Л., 1947, стр. 116 + 38 таблиц.

Основанная на материалах предварительных археологических обследований, проведенных автором на Чукотском полуострове в 1945 г., на коллекциях наших музеев и исчерпывающем использовании литературы, работа проф. С. И. Руденко с большим вниманием встречена не только археологами, но и всеми, кто интересуется сложными